

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ
И АДМИНИСТРАТИВНО-СУДЕБНЫЙ СОСТАВ
КНЯЖЕСКОЙ ДРУЖИНЫ

Н. А. Максимова

Астраханский государственный технический университет

Поступила в редакцию 26 января 2012 г.

Аннотация: в статье освещаются вопросы состава княжеской дружины, согласно ее структурно-функциональному подразделению на правительственный и административно-судебный аппарат. Отдельно анализируется служебная роль каждой категории княжеских дружинников в управлении Древнерусским государством в IX–XII веках.

Ключевые слова: княжеская дружина, состав дружины, старшая дружина, правительственные должности, административно-судебные придворные должности княжеской службы.

Abstract: the article highlights the issues of the prince's retinue, are considered according to its structural and functional unit in the government, administrative and judicial apparatus. Separately analyzed the role of service in each category of princely warriors in the administration of the Ancient Russian State in the IX–XII centuries.

Key words: prince's retinue, brigade, senior squad, government office, administrative, judicial office of the prince's life.

Первый опыт государственной службы связан с княжеской дружиной, структура и состав которой претерпевали сложные и неоднозначные изменения, диктуемые политическими и социально-экономическими преобразованиями княжеской власти в раннеславянском обществе и государстве. Но если структура княжеской дружины – синхронное новообразование, известное и понятное ее современникам, то группировка чинов древнерусской государственной службы по разрядам и роду занятий – результат более поздних наблюдений. Впрочем основная масса исследователей разрядность княжеской дружины в лучшем случае анализировала в контексте все той же знаменитой стратификационной троицы: «княжеские бояре – княжие мужи – княжеские отроки» с незначительными статусно-терминологическими различиями¹, не выделяя более подробные служебно-функциональные группировки. Здесь мы отчасти согласны с В. В. Пузановым, позиция которого в сугубо тематическом приложении означала бы, по сути, что структурное и первичное разрядное устройство

---

¹ См., например: *Иванов Н. А.* Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях : ручная книга для русских всех сословий Фаддея Булгарина. СПб., 1837. Ч. 4. С. 219–222 ; *Павлов-Сильванский Н.* Государевы служилые люди. Происхождение русского дворянства. СПб., 1898. С. 1 ; *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времен // Сочинение. СПб., 1895. Кн. 1, т. I–V. Стб. 684 ; *Устрялов Н.* Русская история. СПб., 1839. Ч. 2. С. 323.

княжеской дружины было лишь социально (или социально-правовым) стратифицированным, но еще не служебным². Точнее говоря, деление дружины на старшую и младшую и на разряды княжеских бояр, мужей и отроков выражает некий исходный принцип и мотивацию собственно-дружинной службы, но для достоверно служебной характеристики еще не хватает конкретного должностного выражения публичных функций тех или иных членов княжеско-дружинного сообщества. В утилитарном понимании княжеские бояре, мужи и отроки – это собственные наименования и виды (разряды) княжеских дружинников, которые по древнерусскому обыкновению и простоте могли отражаться в названии тех или иных должностей княжеских служащих, однако не были самодостаточными в служебном понимании. В то же время недостаточно рельефным или полным в служебном отношении представляется разделение должностей княжеских чиновников лишь на высший и низший разряды, гражданского и военного, центрального и местного или правительственного (государственного) и придворного (частного) значения³. Деление княжеско-дружинных чинов на высший и низший разряды или правительственного и придворного значения повторяет структуру княжеской дружины и не дает чего-то разительно отличного от нее. Дифференциация же по иным критериям на фоне значительной неразделенности служебных занятий дружинников также не привносит чего-то нового и, наоборот, привела бы к довольно сильным аналогиям вплоть до функционального смешения, а не размежевания должностей.

Однако на протяжении всей дружинной эволюции с несомненно базовым влиянием структурного устройства княжеской дружины, отразившего имущественную и социально-правовую дифференциацию господствующего класса, первичным служебно-идентифицирующим признаком тех или иных должностей с выходом на публичное управление все же остается их функционально-традиционная связь с князем, постепенно наполняемая представительским и (или) исполнительно-обеспечительным содержанием. Поэтому первую, наиболее удачную в этом и служебном смысле типологию княжеско-дружинных чинов мы находим у И. А. Порай-Кошица, представившего систему чинов княжеской дружины и связанных с ней должностей по внутреннему управлению государством в более систематизированном виде. Он выделял, в частности, систему назначаемых из княжеской дружины чиновников «для отправления должностей» по правительственной, судебной и придворной частям⁴. Близкими по зна-

² См.: Пузанов В. В. Древнерусская государственность : генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкции. Ижевск, 2007. С. 294–295.

³ См., например: *Зубрицкий Д.* История древнего Галичско-Русского княжества. Львов, Ч. 1. 1852. С. 97 ; *Ключевский В. О.* Состав и значение дружины : дружинники в роли советников князя и представителей администрации // Киевская Русь. М., 1910. Т. 1. С. 479, 490 ; *Сергеевич В. И.* Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей : исторические очерки. М., 1867. С. 352–353.

⁴ См.: *Порай-Кошиц И. А.* Очерк истории русского дворянства от половины IX до конца XVIII века. 862 – 1796. СПб., 1874. С. 4–5, 9.

чению можно признать и высказывания М. Б. Свердлова, который, считав первоначально объединяющим иерархию княжеско-дружинных чинов принципом службу князю в разных областях – государственное управление, военная служба и служба на княжем дворе, между тем пришел к выводу о функциональном размежевании данных чинов по государственно-военной, административно-судебной и дворцово-хозяйственной служебным принадлежностям⁵. Примерно такие же сферы занятий административного аппарата Древнерусского государства, несмотря на констатацию их смешения, отмечает и И. Н. Фалалеева⁶. За отсутствием более взвешенных аргументов присоединимся и приведем далее характеристику служебного аппарата Древнерусского государства, имеющего свое кадровое основание в княжеской дружине, в правительственном и административно-судебном направлениях, обобщенно представляющих и обеспечивающих власть князя на всем пространстве его первоначальной юрисдикции. Предварительно добавим, что система и структура должностей древнерусской государевой службы пока за отсутствием ее громоздкости выступает очевидным индикатором приоритетов внутренней и внешней политики государственного управления.

Правительственный блок служилых чинов составляли должности преимущественно военного характера, атрибутивно и функционально связанного с политикой еще первых князей по «собираению» и сохранению целостности земель, обеспечению «ряда» и безопасности. Поэтому первостепенное значение имели должности так называемой десятичной системы, из чисто военной и военно-учетной организации постепенно преобразующейся в местный административный аппарат княжеской власти. Здесь, в частности, встречаем чины посадника, тысяцкого или воеводы, сотского и десятского. К этому же блоку должностей И. А. Порай-Кошиц относил в том числе мытника, правительственное значение которого определялось интересами систематического финансово-экономического обеспечения княжеской власти, содержания княжеско-дружинного и поместного аппарата чиновников, а также городника и мостника, обязанности и навыки которых представляли государственную важность, поскольку одной из главных сторон деятельности князей было строительство городов, прокладка дорог и мостов, т.е. все то, что обеспечивало территориальное размещение и перемещение князя и его аппарата в стратегическом и административном отношениях. Эти должности

---

⁵ См.: *Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 221, 222.

⁶ И. Н. Фалалеева, в частности, указывает на фактор занятости массы должностных лиц одновременно в хозяйственной, военной и судебной сферах как на особенность древнерусского служилого аппарата (см.: *Фалалеева И. Н.* Политико-правовая система Древней Руси IX–XI вв. Волгоград, 2003. С. 17), что не ново и отмечалось рядом исследователей (см., например: *Градовский А.* Начала русского государственного права : в 2 т. СПб., 1875. Т. I. С. 212–213 ; *Костомаров Н. И.* Начало единой державы в Древней Руси // *Вестн. Европы.* 1870. 5-й год. Кн. 11. С. 44–46 ; *Сергеевич В. И.* Древности русского права. М., 2007. Т. 1. С. 454).

по отношению к чинам десятичной системы признавались второстепенными или второразрядными⁷.

Посадничество как институт можно признать одним из ранних, и летописи в хронологической части упоминают его под традицией князя «сажать» своих родственников и «ближних» дружинников в города и волости⁸. Собственно возникновение посадничества последовательно связано с упразднением местного племенного самоуправления, а потому большинство исследователей отмечало это как политическое выражение присоединения территории к княжеству⁹. Посадник – это должность, призванная представлять княжескую власть на местах и осуществлять от ее имени важные правительственные полномочия. За пределами постоянного княжеского присутствия функции посадника выполнялись на постоянной и фактически бессрочной основе, тогда как в стольном граде – княжеской резиденции данная должность замещалась на период отсутствия князя. Посадники – по сути княжеские наместники, обеспечивающие военную и гражданскую власть князя над вверенными им территориями, для чего они ставили, укрепляли города и отражали вражеские нападения¹⁰. Посадники назначались и снимались с должности по усмотрению князя и, как правило, из числа бояр и княжеских мужей. Летописные известия о назначениях на посадничество лиц из числа низших слуг князя¹¹ лишь подтверждают вольность выбора князем конкретной кандидатуры, но не являются принятой в то время нормой. Посадник имел значение княжеского чиновника, который осуществлял надзор за общественным порядком, «творил» суд и управу над жителями своего посадничества, в том числе подавляя недовольство властью, управлял ими и исполнял приказания князя. Фискальную часть полномочий посадни-

⁷ См.: *Порай-Кошиц И. А.* Указ. соч. С. 10 – 11.

⁸ Из Лаврентьевской летописи узнаем, что примерно в 864 г. Рюрик раздает мужам своим грады, причем выражение именно «посадить» впервые встречаем под 882 г. (см.: Древний текст летописи Нестора // ПСРЛ. СПб., 1846. Т. 1. С. 9, 10), но как вариант текста под 862 г., когда Аскольд и Дир «встава в грады семь», толкование также допускает наличие посадничества (см.: Летопись по Лаврентьевскому списку // ПСРЛ. Л., 1926–1928. Т. 1. С. 15, 16).

⁹ Как перемещение князя влекло смену посадника, так и утрата посадником города влекла потерю князем власти над соответствующей территорией (см.: *Горский А. А.* Древнерусская дружина : к истории генезиса классового общества и государства на Руси. М., 1989. С. 67–68 ; *Дьяконов М.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 1908. С. 175–176 ; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1816. Т. V. С. 201 ; *Порай-Кошиц И. А.* Указ. соч. С. 10 ; *Сергеевич В. И.* Вече и князь... С. 362 ; *Фалалеева И. Н.* Указ. соч. С. 18).

¹⁰ Известия о военных походах посадников находим, к примеру, под 1054 г. (см.: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. СПб., 1862. Т. 9. С. 86), под 1164 и 1228 гг. (см.: Новгородская первая летопись // ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 13, 42–43).

¹¹ См., например: Летопись Киевская или Юго-Западной Руси (1175 г.) // ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 117.

ка составляли взимание судебных штрафов, контроль над сбором уроков, даней и их распределение в соответствии с княжескими поручениями. Таким образом, посадники были военной и гражданской властью, выступая органом административного и судебного управления в одном лице. Денежное содержание посадника и его аппарата во второй половине XI – первой трети XII вв. выражалось преимущественно в виде отчислений от собираемых податей и, возможно, от судебных пошлин¹².

Особое чиновничество древнерусского времени образовывали должности, как уже указывалось, так называемой десятичной системы, а именно чины тысяцкого, сотского и десятского. Вопрос об истоках данной системы в Древнерусском государстве имеет, конечно, самостоятельное решение и он не исчерпан для целей настоящего исследования. Вместе с тем споры об исключительно военном¹³ или гражданском¹⁴ характере такого деления для исследуемого периода, когда эти стороны деятельности были тесно сплетены, представляются излишними. Вполне исторично, что тысяча, сотня, десять – деление лишь изначально или преимущественно военное, но не исключающее дальнейшую и неизбежную его эволюцию в социально-политическую плоскость¹⁵. Разумеется, десятичная система имела как минимум военно-учетное значение, но исключительно такое – рекрутное (мобилизационное) ее применение, т.е. только для возможных военных мероприятий, следует признать избыточным. Если подобное деление и было постоянным, то, скорее, для целей управления и в гражданской сфере, в частности, фискальных, административно-судебных и т.п., чем и объясняется наличие у должностных лиц указанной

¹² См.: *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь : князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 256, 526.

¹³ Исследователи высказывались в пользу догосударственного и додружинного происхождения численной формы организации древнерусского войска, подчеркивая в любом случае военный характер этой системы (см., например: *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 317 ; *Грушевский М. С.* История Украины–Руси. Львів, 1904. Т. I. С. 390–392 ; Львів, 1905. Т. III. С. 233–236 ; *Дельбрук Г.* История военного искусства. М., 1937. Т. II. С. 31–36; *Дьяконов М.* Указ. соч. С. 184 ; *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в удельной Руси. СПб., 1910. С. 98 ; *Юшков С. В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М. ; Л., 1939. С. 39).

¹⁴ Авторы, занимающие данную позицию, как правило, не давали четких указаний на военный характер такой системы и связывали ее с общественным устройством, общим управлением и судом над народом (см., например: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Киев, 1907. С. 77–78 ; *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 255–256 ; *Хлебников Н.* Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1872. С. 96). Категорически отрицал военную природу десятичной системы А. Е. Пресняков, считая ее учреждением княжеской власти (см.: *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси. СПб., 1909. С. 173).

¹⁵ С. В. Юшков, например, считал, что такого рода преобразования приходится на XI–XII вв. (см.: *Юшков С. В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 366–367). См. также: *Васильев А. В.* Законодательство и правовая система дореволюционной России. Якутск, 2003. С. 21.

системы помимо предводительских обязанностей общих управленческих полномочий. Во всяком случае противопоставления вопросов о том, считать ли это чисто военной организацией или службой в общеполитическом ее значении, не наблюдается.

Итак, должности тысяцкого, сотского и десятского носят характер военной службы, что не исключало наличия у них гражданской власти в соответствующих объемах. Надо отметить также, что как летописи¹⁶, так и ряд исследователей¹⁷ указывали на определенное соотношение чинов тысяцкого и воеводы. Первое упоминание тысяцкого связано с именами сыновей воеводы Вышаты, относящееся к 1089 г.¹⁸, но в значении воеводства должность тысяцкого появляется гораздо раньше¹⁹. Тысяцкий – должность, вне всякого сомнения, предводительская. Текущий (княжеский) период до XIII в. застаёт этот чин как назначаемый князем из числа членов преимущественно старшей его дружины²⁰ для управления только народным ополчением, которое созывалось по определению веча и на постоянной основе²¹. Поэтому, если князь выступал в военный поход вопреки решению веча, то тысяцкий оставался в городе и продолжал осуществлять управление тысячей по «законам» мирного времени²². Тысяцкий в полном смысле являлся правительственным лицом в нестольном городе, поскольку «творил» суды торговый и над «черным» населе-

¹⁶ В частности, в Повести временных лет под 1089 г. и в Радзивилловской летописи под 1231 гг. встречаем указания на то, что воеводы держат киевскую тысячу (см.: ПСРЛ. СПб., 1846. Т. 1. С. 89, 194). Примечательно также, что под 1240 г. если Густинская летопись называет Дмитра воеводой (см.: ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 339), то в Воскресенской летописи он значится уже как тысяцкий (см.: ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 145).

¹⁷ В. И. Сергеевич, например, считал, что данные чиновники «означают собственно одну и ту же военную власть», «тысяцкий есть вместе с тем и воевода», где «первое наименование перенесено на него от военного деления на тысячи, второе же от самого рода его занятий» (*Сергеевич В. И. Указ. соч. С. 400*). См. также: *Беляев И. Д. История русского законодательства. СПб., 1999. С. 136*; *Юшков С. В. Указ. соч. С. 366–367, 371*.

¹⁸ См.: Древний текст летописи Нестора // ПСРЛ. СПб., 1846. Т. 1. С. 89.

¹⁹ Например, под именами Свенельда (см.: Древний текст летописи Нестора (945 г.) // ПСРЛ. СПб., 1846. Т. 1. С. 23) и Претича (см.: Повесть временных лет (968 г.) // ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 43).

²⁰ Это были, как правило, бояре и в общем знатные вотчинные владельцы – люди «необходимо богатые» (см.: *Соловьёв С. М. Исторические письма // Рус. вестник. 1859, март. Кн. 1. С. 21*; *Забелин И. Е. Древности Москвы // Вестн. Европы. 1867. С. 382–383*).

²¹ См., например: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (1138 г.) // ПСРЛ. Т. 9. С. 160–161.

²² В Ипатьевской летописи под 1147 г. сохранилось показательное в этом смысле упоминание о том, что киевский князь Изяслав Мстиславич вопреки воли веча выступил в поход против Юрия Владимировского, а тысяцкий Лазарь не последовал за ним. И князь вынужден был совершать поход с так называемыми охотниками и служилыми лично ему людьми (см.: Летопись Киевская или Юго-Западной Руси (1147 г.) // ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 32–33).

нием²³, а также участвовал в законодательной деятельности²⁴. Тысяцкого замечаем за выполнением дипломатических поручений²⁵ и важных лично для князя придворных дел²⁶, которые, впрочем, являлись второстепенными. Тысяцкие имели непосредственное отношение и к фискальным делам, о чем говорит наличие при них помощников – тиунов²⁷.

В подчинении тысяцкого находились сотские, а под сотскими – десятские. Если тысяцкий – начальник крупного гарнизона (тысячи), то сотский – командир отдельных частей, приписанных, как правило, к меньшим городам. Именно на сотских и десятских лучше всего прослеживается и общее правительственное предназначение чинов десятичной системы. Первое летописное указание на чин падает на 996 г.²⁸ Очевидно, сотские – прямые помощники тысяцких²⁹ и командиры сотен как изначально военных частей. Вряд ли бесспорно отождествление В. И. Сергеевичем сотских со старостами³⁰, но сложившаяся в течение XI–XV вв. область их общего служебного ведения определена им исчерпывающе: это исполнение разного рода натуральных и денежных повинностей вплоть до

²³ См.: *Филитов А. Н.* Учебник истории русского права : пособие к лекциям. Юрьев, 1907. Ч. I. С. 230–231.

²⁴ В частности, новгородские договоры с князем скреплялись также и подписью тысяцкого (см., например: *Докопчание великого князя Семена Ивановича с князьями Иваном Ивановичем и Андреем Ивановичем [около 1350–1351 гг.] // Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М. ; Л., 1950. С. 13*). Законодательное участие тысяцкого замечалось, в частности, и при составлении и издании Владимиром Мономахом закона о ростах (см. об этом: *Беляев И. Д.* Указ. соч. С. 131).

²⁵ Так, тысяцкий Демьян в 1221 г. вел переговоры с польским королем Лешком, заключив с ним мир (см.: *Волынская и Галицкая летопись // ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 163*).

²⁶ Так, в 1187 г. Рюрик Ростиславич посылает тысяцкого в Суздаль за будущей супругой своего сына – дочерью Всеволода Юрьевича (см.: *Летопись Киевская или Юго-Западной Руси // ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 136*).

²⁷ См.: *Летопись по Ипатьевскому списку (1093, 1146 гг.) // ПСРЛ. СПб., 1871. Т. 2. С. 151, 229*. Также под 1149 г. находим не вполне бесспорное, но указание на то, что тысяцкому был приписан «путь» или «кормление» для сбора податей с определенных территорий (см.: *Летопись Киевская или Юго-Западной Руси // ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 45*). См. также: *Грушевский М.* Очерки истории Киевской земли. Киев, 1891. С. 337 ; *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 181.

²⁸ См.: *Древний текст летописи Нестора // ПСРЛ. СПб., 1846. Т. 1. С. 54*.

²⁹ Однако в Новгороде тысяцкий и сотский выступают как самостоятельные силы, к чему, – при всех попытках установить их взаимосвязь, – пришел А. И. Никитский, резюмировавший, что у новгородских сотских заметны лишь функции, не связанные с деятельностью тысяцкого (см.: *Никитский А. И.* Святой великий Иван на Опоках // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1870. № 8. С. 214).

³⁰ В. И. Сергеевич полагает, в частности, что сотские – то же самое, что и старосты, где первое название заимствовано от деления на сотни, второе – от свойства самих лиц, т.е. это были пожилые люди (см.: *Сергеевич В. И.* Указ. соч. С. 374, 375).

контроля за сооружением городских укреплений, постройкой дворов для князя, «наряд» людей для «косьбы» княжеского сена, сбор и взнос кормов наместникам, волостелям и их чиновникам, а также сбор и взнос оброка, лежащего на волостных и городских людях, и присутствие на суде княжеских чиновников³¹. По поводу того, кем формируется должность сотского, существуют мнения в пользу как князя³², так и вече (земской власти)³³. Однако представляется умеренной и исторически вариативной позиция о том, что право назначения сотских, как, впрочем, тысяцких и десятских, переходит к князю или, наоборот, к вече в зависимости от их политического преобладания и, что немаловажно, от усиления либо ослабления в должностях и рядах тысячно-сотенно-десятичной системы княжеского служилого элемента³⁴. Помимо функции подавления всякого рода восстаний со стороны племен³⁵ сотский в административном значении исполнял и полицейские обязанности, оказывал военную помощь сборщикам дани, производил обыск по спорным делам, надзирал за народным благочинием, что составляло его обыденную заботу³⁶.

Замыкают десятичную иерархию десятские, но относительно данной должности летописный материал и научные обзрения более скудны. М. Б. Свердлов объясняет это тем, что к концу X – началу XI в. десятки и десятские уже изжили себя в связи с развитием территориально-соседской общины с ее «уличанскими и кончанскими организациями, с сотенной и тысячной структурами», ставшими элементами княжеского управления³⁷ и потому уже не нуждавшимися в низовых должностях рассматриваемой численной системы. Летописная информация о десятских датируется лишь концом X – началом XI вв.³⁸, но вполне допустимо, что они оставались хотя бы в периферийных регионах Русского государства, поскольку в более поздний период данный чин предстает в административно-полицейском значении. В остальном принадлежность десятских к десятичной системе позволяет считать их служебную характеристику аналогичной должности сотского, но с учетом меньших объемов его юрисдикции и преобладанием исполнительно-распорядительных функций. Десятские подчиняются сотским и служат им помощниками, оказывая военизированную помощь на местном уровне и осуществляя преимущест-

³¹ См.: *Сергеевич В. И.* Указ. соч. С. 375.

³² См., например: *Грушевский М.* Указ. соч. С. 336 ; *Юшков С. В.* Указ. соч. С. 364–366, 370.

³³ См., например: *Сергеевич В. И.* Указ. соч. С. 376 ; *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 161.

³⁴ См. *Сергеевич В. И.* Указ. соч. С. 376.

³⁵ См.: *Юшков С. В.* Указ. соч. С. 107.

³⁶ См.: *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времен. Стб. 732 ; *Костомаров Н.* Вече и вечевое устройство в Древней Руси // Дело и отдых. 1865. № 1. С. 27, 29.

³⁷ *Свердлов М. Б.* Указ. соч. С. 531.

³⁸ См., в частности, *Летопись по Лаврентьевскому списку (992 г.)* // ПСРЛ. Л., 1926–1928. Т. 1. С. 87 ; *Повесть временных лет (996 г.)* // ПСРЛ. СПб., 1871. Т. 2. С. 86.

венно полицейские и организационно-охранные обязанности. Несмотря на выборный характер должности десятского³⁹, его административно-служебный статус подкрепляется вхождением в систему чинов сотенно-десятичной иерархии и даже прямым участием в княжеских пирах⁴⁰. Но надо полагать, что в своей деятельности десятские становились представителями местного населения, постоянные связи с которым, с одной стороны, укрепляли их общественно-локальное значение, а с другой, стирали их правительственную связь с княжеским аппаратом, что, по-видимому, также обусловило их относительно раннее выбывание из административно-служебной иерархии.

Отдельное правительственное значение в древнерусском государственном аппарате занимал мытник, который назначался князем из числа младших дружинников. Впервые эта должность встречается под 1150 г.⁴¹, однако само понятие «мыто», от которого называлась должность, находим уже под более ранней датировкой⁴². К указанному XII в. мытник упоминается как собиравший пошлины на мосту и других торговых трактах, исполняя также обязанности маклеров, санкционируя торговые сделки⁴³. Летописи обуславливают деятельность мытников на так называемом мытном дворе, где и производился сбор различных податей, в особенности торговых пошлин⁴⁴. Мытник, таким образом, – это сборщик прежде всего торговых пошлин, которые в древнерусскую эпоху в силу не только экономической, но и политической значимости торговой деятельности имели характер правительственных доходов. Отсюда, несмотря на местный уровень служебной юрисдикции, мытники стояли вне зависимости от местной власти, поскольку, как убедительно доказывает В. И. Сергеевич, поручения князя делались лично мытникам, собираемые ими подати и пошлины вносились князю напрямую либо через указываемое им лицо и, что особенно характерно, жалобы на их неправильные действия подавались только князю⁴⁵.

Как уже указывалось, одними из главных сторон деятельности князей были строительство городов, прокладка дорог, мостов и т.д., т.е. то, что обеспечивало прежде всего административно-территориальную экспансию их аппарата. Поэтому и выделяются должности городника и мост-

³⁹ Признания десятских в качестве чинов, управлявших определенной частью дружины, и, следовательно, назначаемых князем, единичны (см., например: *Грушевский М.* История Украины–Руси. Львів, 1905. Т. III. С. 224–226).

⁴⁰ См.: *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. I. С. 262, 280.

⁴¹ См.: Летопись Киевская или Юго-Западной Руси // ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 56.

⁴² См.: Древний текст летописи Нестора (907 г.) // ПСРЛ. СПб., 1846. Т. 1. С. 13.

⁴³ См.: Ст. 33, 36 Правды Русской по списку Карамзинскому // *Калачов Н.* Тексты Русской Правды на основании четырех списков разных редакций. СПб., 1889. С. 25.

⁴⁴ См.: *Порай-Кошиц И. А.* Указ. соч. С. 10 ; *Соловьёв С. М.* Указ. соч. С. 235 ; *Филиппов А. Н.* Указ. соч. С. 226.

⁴⁵ См.: *Сергеевич В. И.* Указ. соч. С. 376–377.

ника как особых княжеских чиновников. Городник, мостник обладали и профессиональным знанием дела, но если в полномочия первого входили организация и распоряжение закладкой, срубкой и укреплением городов и иных стратегически важных сооружений, то второй был обязан, как сейчас бы сказали, на инженерно-руководящем уровне строить мосты, плотины и переправы, наблюдать за их исправностью, особенно в военное время⁴⁶. Важное административно-политическое значение городников и мостников, как и многих других чинов правительственного блока, идентифицируется к тому же наличием при них собственного аппарата слуг-помощников, в частности, – отроков⁴⁷. А из ст. 96 и 97 Русской Правды наблюдается их роль не только в строительстве городов и мостов, но и во взимании в свою пользу пошлин.

Другой, *административно-судебный блок служилых чинов* дружинного периода Древней Руси составляли должности тиуна, вирника, метельника (метника), а впоследствии дьяка и ябетника. Все эти должности замещались членами младшей дружины и в силу неразделенности как частных и публичных, так и судебных и административных функций представляли собой общую систему слуг, по преимуществу вспомогательную часть княжеского и княжеско-поместного аппарата. Здесь как раз важно, что именно административно-судебный элемент их обязанностей позволил ряду исследователей видеть в них не только лиц, находящихся у князя в частном услужении, но и публичных служащих⁴⁸.

Тиуны – самая представительная и многочисленная часть данной служебной страты. Они, несомненно, слуги, тесно связанные с княжеским хозяйством, но их чиновничье значение приходится примерно на середину XI в., в силу чего они и начинают упоминаться в летописных материалах⁴⁹. До того они действительно могли лишь «слуговать», т.е. быть личными слугами князя, исполнявшими хозяйственные функции⁵⁰, что, по замечанию В. И. Сергеевича, также не исключало определенной публичной примеси⁵¹. Тиун – понятие очень широкое в изучаемое время даже по происхождению: если у салических франков это сельские судьи (судебное значение), то в переводе с германского – служитель, управитель, наместник (административное значение), а со скандинавского – вообще служитель, чиновник, судья, княжеский казначей в смысле сборщика податей⁵². Отсюда и в русской древности тиуны – это лица, служившие в

⁴⁶ См.: Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. II. С. 57–58; Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. СПб., 1851. Т. I. С. 31, 116.

⁴⁷ См.: Порай-Кошиц И. А. Указ. соч. С. 10–11.

⁴⁸ См., в частности: Там же. С. 11–13; Свердлов М. Б. Указ. соч. С. 211.

⁴⁹ См.: Летопись Киевская или Юго-Западной Руси (1146 г.) // ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 22.

⁵⁰ См.: Свердлов М. Б. Указ. соч. С. 211.

⁵¹ Сергеевич В. И. Указ. соч. С. 372.

⁵² См.: Карамзин Н. М. Указ. соч. С. 27; Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1902. Т. 2. Стб. 961–963.

княжеских селах и дворах, т.е. ведшие частное хозяйство князя, его наместников, и судьи, по большей части, в одном лице. К тому же, если по М. П. Погодину, тиун – это смотритель княжеского имущества или казначей⁵³, то, по А. П. Куницыну, – сборщик податей и управитель поместья⁵⁴. Весьма примечателен поэтому и вывод А. Н. Филиппова о том, что столь множественное и притом то личное, то публичное значение понятия тиуна показывает, что интересы князя как хозяина еще мало выделились из его интересов как государя⁵⁵. В то же время в этом проявляются не разногласия, а определенная эволюция функций тиуна, который из княжеского управителя через функцию казначея, а затем сборщика судебных податей начинает по поручению князя отправлять суд, с государственной точки зрения составлявший прежде всего одну из статей доходов. По справедливому замечанию Н. Ф. Каптерева, судебная обязанность тиуна в конце концов оттесняет все другие и он становится судьей, причем второстепенным, т.е. как представитель и заместитель другого, высшего лица – непосредственно полномочного судьи⁵⁶. Отсюда, по убеждению большинства исследователей, тиунство не было «самостоятельной» должностью, в судебном плане имело заместительный и именно исполнительный характер⁵⁷.

Таким образом, тиуны – помощники при князьях, местных правителях, и главная их обязанность состоит в отправлении суда в порядке временного замещения этих должностей. Тиуны назначаются из числа младших дружинников и судебная власть над народонаселением им предоставлялась в определенных округах, где не было городов. Центром их службы являлись станы или дворы, в которых они жили вместе с их кормленщиками. Тиун или княжеский приставник при суде имел важное значение на суде, от него зависело решение дела по праву или нет, наложение справедливой или несправедливой пени, и его основная обязанность в целом заключалась в надзоре за исполнением судебного устава⁵⁸. Значение тиуна как пристава при каком-либо высшем должностном лице выражалось различными эпитетами, и соответственно обязанности тиунов различались в силу исполнения разных требований своих начальников. Если эпитет «княжий» тиун использовался для его отличия от других тиунов, то эпитеты «огнищный» – для обозначения его как приказчика над «огнищами», т.е. рабами, «дворский» – как заведовавшего двором и дворовыми людьми князя и нередко рабами, в чем совпадал с

⁵³ См.: *Погодин М. П.* О посадских, тысяцких и тиунах. 1054–1240 // *Временник Моск. О-ва истории и древностей российских.* М., 1849. Кн. 1. С. 31.

⁵⁴ См.: *Куницын А.* Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб., 1843. С. 64.

⁵⁵ См.: *Филиппов А. Н.* Указ. соч. С. 225.

⁵⁶ См.: *Каптерев Н.* Светские архиерейские чиновники в Древней Руси. М., 1874. С. 151.

⁵⁷ См., в частности: *Беляев И. Д.* Указ. соч. С. 137 ; *Сергеевич В. И.* Указ. соч. С. 373–374.

⁵⁸ См.: *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 27 ; *Соловьёв С. М.* Указ. соч. С. 269.

«огнищным», «конюший» – как заведовавшего немаловажной тогда отраслью – коневодством, а «ратайный» или сельский – как заведовавший «ратаями», т.е. земледельцами на княжеских землях и сельскими рабочими⁵⁹. Но полная специализация тиунов происходит после XI в., т.е. в результате оседания большей части дружины⁶⁰. Правительственный тиун как судья всегда выступает в качестве заместителя князя, посадников, волостелей в тех случаях, когда они не могли лично исполнять свои обязанности по разбору дел, с которыми к ним обращались стороны, поэтому в должности судебных тиунов еще наблюдается не отделение судебной власти от административной, а замещение одной другой.

Административную, а точнее, фискальную роль при суде выполнял и так называемый вирник, отправлявший свои обязанности также при местных правителях, включая посадников и тысяцких⁶¹. Вирники заведовали сбором с виновных по приговору суда лиц «вир» для обращения их в доход княжеской казны, а также производили следствие, что явствует уже из первого русского закона – Русской Правды⁶². По мнению М. Б. Свердлова, в первой половине XI в. сбором вир самостоятельно или на правах помощника занимались отроки⁶³, отсюда и их принадлежность к княжеской дружине⁶⁴, что не исключало наличия вирников и во дворе бояр⁶⁵.

Специальную по тем временам административно-судебную роль играл и так называемый метельник, или метник, однако относительно ее содержания сложились две несовпадающие позиции. Если Н. А. Иванов⁶⁶ и другие, как правило, дореволюционные исследователи⁶⁷ видели в метельнике должностное лицо, занятие которого состояло в наматывании (нарезании) на жезлах или досках знаков как способа фиксации и передачи информации до возникновения на Руси письменности, то А. А. Горский считает наиболее вероятным происхождение этой должности от слова «метить», т.е. метельник метил доли судебных расходов и изготавливал для них «меты»⁶⁸. Согласно первой позиции институт метника преобразуется в дьяков, которые по письменной части находились при судах и

⁵⁹ См., например: *Беляев И. Д.* Указ. соч. С. 137–138 ; *Кантерев Н.* Указ. соч. С. 150 ; *Сергеевич В. И.* Древности русского права. М., 2007. Т. 1. С. 454–456 ; *Филиппов А. Н.* Указ. соч. С. 255–256.

⁶⁰ См.: *Горский А. А.* Указ. соч. С. 69–70 ; *Юшков С. В.* Указ. соч. С. 369.

⁶¹ См.: *Грушевский М.* Указ. соч. С. 344 ; *Юшков С. В.* Указ. соч. С. 371–372.

⁶² См.: *Порай-Кошиц И. А.* Указ. соч. С. 11.

⁶³ См.: *Свердлов М. Б.* Указ. соч. С. 204–205.

⁶⁴ См.: *Фроянов И. Я.* Киевская Русь : главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999. С. 168–169.

⁶⁵ См.: *Сергеевич В. И.* Вече и князь... С. 458.

⁶⁶ См.: *Иванов Н. А.* Указ. соч. С. 19–20, 217.

⁶⁷ См., например: *Костомаров Н.* Указ. соч. С. 22 ; *Миллер Ф.* Известие о дворянах российских. СПб., 1796. С. 225 ; *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времен. Стб. 238–239.

⁶⁸ *Горский А. А.* Указ. соч. С. 70.

важных сановниках и, судя по всему, были духовными лицами⁶⁹. В то же время в ст. 9 Пространной Правды метельник упоминается в качестве отрока и как помощник сборщика судебных пошлин – вирника, что подтверждает разнообразное, но по большому счету административно-судебное содержание его статуса.

Столь же окончательно не выяснено значение и ябетника (ябедника). Это также должностные лица, входившие в состав государственного административно-судебного аппарата, деятельность которых выходила за пределы княжеской дружины⁷⁰. Наряду с этим значение должности ябетника и самого этого слова, как поясняет И. А. Порай-Кошиц, связано с распространенными в конце XI в. и в течение XII в. их злоупотреблениями в сфере правосудия, обусловленными услужением ябетников и их зависимостью от кормлений⁷¹. Однако позднее, судя по новгородским источникам⁷², они предстают в качестве судебных исполнителей и появляются, скорее всего, из среды детских, упоминаемых в том же качестве. Гораздо позже ябетник юридически утверждается в должности поверенного, который «затейливо чинит неправый иск»⁷³, что придает ему также смысл стряпчего или ходатая по делам⁷⁴ и, по сути, сохраняет историческую преемственность его функций.

В итоге для времени, предшествующего появлению дворовой службы, можно наблюдать влияние внутридружинной иерархии на выработанные закономерности формирования княжеско-служебного корпуса, тогда как на функциональном уровне все еще отсутствует строгое размежевание и приписка полномочий к конкретным должностям. Поэтому о правах и обязанностях княжеских служащих того времени можно говорить скорее как о типичных, хотя общие рамки служебной деятельности отдельных категорий чинов, преимущественно, правительственного и придворного (хозяйственного) блоков, были этимологически различимыми. Нельзя не учитывать и тенденцию вливания в служебный аппарат местной знати, что также запечатлело на летописном, в частности, материале факты княжеских пожалований на должности, не соответствующие внутридружинной иерархии⁷⁵. Но в целом дружинная «подоплека» княжеско-слу-

---

⁶⁹ См.: *Порай-Кошиц И. А.* Указ. соч. С. 11–12.

⁷⁰ См.: *Свердлов М. Б.* Указ. соч. С. 211.

⁷¹ См.: *Порай-Кошиц И. А.* Указ. соч. С. 12.

⁷² См., например: Новгородские грамоты № 235 (см.: *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте : из раскопок 1956–1957 гг. М., 1963. С. 56–57 и № 421 (см.: *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте : из раскопок 1962–1976 гг. М., 1978. С. 30) ; Новгородская первая летопись (1218 г.) // ПСРЛ. Т. 3. С. 36–37.

⁷³ См.: Судебник Царя и Великого Князя Ивана Васильевича [июнь 1550 г.] // Акты ист., собр. и изд. Археографической комиссией. Т. 1 : 1334–1598. СПб., 1841. С. 236–237.

⁷⁴ См.: *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. VIII. С. 67 ; *Соловьёв С. М.* Указ. соч. Стб. 1656, 1658.

⁷⁵ А. Е. Пресняков принципиально считал, что основные судебно-административные функции того времени лежали на самом населении (*Пресняков А. Е.* Кня-

жебной администрации сохраняла ее военную платформу, когда всякие и даже гражданские назначения обременялись воинской компонентой. В служебном отношении налицо все те должности, которые встречаем и при княжеском дворе, но последний к XII в. еще не сложился по экономическим соображениям, позволявшим бы содержать количественно мощный аппарат великокняжеской (центральной) власти. Разумеется, устройство и пышность двора зависели и от личных качеств князей, но его административно-политическая и тем более служебная привлекательность на дружинном фоне выглядят еще довольно слабо⁷⁶. Отсюда следует заметить, что служебный прирост наблюдался преимущественно на поместном и тем не менее княжеско-домениальном уровне.

жое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 431). М. Б. Свердлов приблизительно высказывался, что наиболее престижными для местной знати были должности административно-судебного аппарата, которые при этом с участием в дружине не связывались (см.: *Свердлов М. Б.* Указ. соч. С. 211).

⁷⁶ Лаврентьевская летопись под 1096 г. содержит знаменитое поучение Владимира Мономаха, из которого во всяком случае явствует, что его двор был прост, штат малочислен, а ряд обязанностей дворовых слуг настолько немногосложен, что князь порой сам с ними справлялся и наставлял в том своих детей (см.: Древний текст летописи Нестора // ПСРЛ. СПб., 1846. Т. 1. С. 102).

Астраханский государственный технический университет

Максимова Н. А., кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин

E-mail: maximovana@mail.ru

Тел.: 8-927-281-93-39

*State Technical University of Astrakhan
Maximova N. A., Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Head of the Civil Law Disciplines Department*

E-mail: maximovana@mail.ru

Tel.: 8-927-281-93-39